

ЧЕРНЫЙ ДНЕВНИК

ПРОПАВШЕЙ МАРИИ

*Ты веришь словам
воспоминаниям?
Зоя*

ОСБ ХОРС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ТРИЛЛЕР

18+

Феб Хорс

**Черный Дневник
пропавшей Марии**

«Автор»

2026

Хорс Ф.

Черный Дневник пропавшей Марии / Ф. Хорс — «Автор», 2026

В руки Воланда попадает черный дневник бесследно исчезнувшей Марии. Случайная ли это находка или чья-то жестокая воля выбрала именно его, чтобы раскрыть тайну пленницы? С этой минуты привычный мир Воланда рушится, превращаясь в кошмар наяву. На страницах дневника — хроника боли и страха девочки, запертой в логове маньяка. Читая эти записи, Воланд медленно сходит с ума: каждое слово выжигает его сердце дотла, а граница между реальностью и ужасом из тетради стирается. Ситуацию обостряют зловещие фигуры в масках дьявола — «ангелы смерти», которые уже начали свою охоту. Сможет ли он найти Марию, следуя по следам из чернил и крови, или сам станет частью этой чудовищной игры?

© Хорс Ф., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глав	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Феб Хорс

Черный Дневник пропавшей Марии

Глава 1

18+ Триллер. Феб Хорс.

Черный Дневник.

«Меня зовут Мария. Я стала жертвой ужасного похищения. Мой дневник – это единственное, что питает меня силой и дарит мне надежду на завтра. СПАСИ МЕНЯ!!!»

Вот что написано на обложке, а ещё — детский рисунок маленького холмика и непонятный иероглиф, больше похожий на одуванчик. От этих первых строк меня пробивает дрожь — Где ты взял этот дневник?! — сомкнув острые брови, раздражённо спросил Воланд. Его голос прозвучал резко, нарушив гнетущую тишину кабинета.

Напротив него в кабинете сидел пожилой землепашец в потёртой рубашке и подшитых штанах. Руки поседевшего мужчины были в грубых мозолях, а под нестриженными ногтями темнела забившаяся земля. Неуверенно сжимая огрубевшие ладони, тот ответил:

— Я точно не знаю... Мой юный сын играл с детьми в лесу недалеко от нашей фермы.

— Твой сын нашёл дневник?! — теряя самообладание, яростно спросил Воланд.

Серые глаза охотника заволок свинцовый туман, в них читалась холодная угроза.

— Да, это был мой сын! — в карих глазах старика задрожали зрачки, словно пытаюсь ускользнуть от надвигающейся беды.

Фермер чувствовал себя неудобно, но другого выбора у него не было. Воланд тем временем хладнокровно выпускал едкий дым тяжёлых сигарет — тот клубился в воздухе, будто живая щупальца. Дрожащей рукой пожилой мужчина вынул из кармана газетный свёрток и положил на край стола.

— Пожалуйста, помогите нам! — голос фермера дрожал.

— Мы с женой собрали для вас все свои накопленные сбережения...

Выпуская очередное облако дыма, Воланд резко наклонился к нему и настойчиво прохрипел:

— Даю минуту на то, чтобы ты забрал свои деньги и бежал отсюда прочь!

Зрачки охотника расширились, словно две чёрные дыры, поглощающие всё вокруг. Кровь закипела в венах, придавая и без того хмурому лицу грозный вид. Трясаясь от ужаса и безысходности, фермер с трудом поднялся, судорожно запихивая в карман газетный свёрток. Отчаяние сковало его изнутри, сдавило горло.

— Моей приёмной дочери 12 лет! — выкрикнул он, и в его голосе зазвучала неподдельная боль.

— Дневник, который нашёл мой сын, принадлежал такой же маленькой девочке! Ублюдок, что похищает детей, всё ещё на свободе! Да и чёрт с тобой, Воланд! Тьфу! Не зря тебя так называли! — громко плюнув на деревянный пол, сторбленный фермер вышел, с грохотом хлопнув дверью.

Чёрный дневник, размером с дамскую ладонь, остался лежать на пыльном столе. От него веяло ледяным мраком, окутанным кровавой и жертвенной тайной. Эти ощущения раскаляли кровь Воланда до кипения, не давая сердцу покоя — так же, как и яростные выкрики вышедшего из себя старика.

Ночь настигла врасплох заблудившегося пушистого зайца. Животное ощущало нарастающую тревогу: шерсть на загривке встала дыбом, уши настороженно подрагивали, а сердце бешено колотилось в груди. Зверёк поднялся на задние лапки, вглядываясь в темноту и принюхиваясь в надежде отыскать знакомую тропу. В воздухе витал странный, тревожный запах — предвестник смерти. Тучи сгущались, медленно заслоняя полную луну: свет становился всё тусклее, а тени — длиннее и зловещее, будто подкрадывались к зайцу со всех сторон.

Заяц выскочил из гущи леса на открытую поляну. Неизвестный запах, доносившийся от деревянного дома, манил зверька — а может, ему просто захотелось погреться у недавно потухшего костра, возле ещё тлеющих, горячих углей? Как бы ни было, смерть уже поджидала его здесь. У неё на него были, видимо, свои роковые планы.

Острая стрела натянула тетиву самодельного лука, украшенного резьбой кельтских узоров. В тишине раздался едва уловимый скрип — последний звук, который услышал заяц. Выпущенная смерть с тихим свистом пронзила воздух. Заяц, смертельно раненный, завалился на зелёную траву, судорожно дёргая лапами. Жизнь угасала в его глазах, оставляя лишь смертельную пустоту. Стрела наполовину торчала из окровавленной шеи. Горячая кровь струилась, выделяя тоненький пар, смешиваясь с холодным ночным воздухом.

Стрелок подхватил жертву за шкуру и отнёс тушку на разделочный стол под козырьком дома. Загорелся тусклый жёлтый свет керосиновой лампы, подвешенной на крючке, — огонёк дрожал, отбрасывая пляшущие тени на стены. Взяв острый нож, стрелок умело выпотрошил зайца и содрал с него шкуру. Затем промыл тушку под летним умывальником.

Как бы ни хотел стрелок войти в дом бесшумно, состарившееся крыльцо выдало его, издав протяжный, плачущий стон. Смазанные петли дверей послушно скользнули в масле без единого звука. Он обернулся назад, словно прислушиваясь: успокоилось ли плачущее крыльцо? Прищурившись, он вошёл внутрь и закрыл за собой деревянную дверь на толстый засов — глухой щелчок эхом отозвался в тишине.

Посреди просторной комнаты тихо проигрывала виниловая пластинка — меланхоличная мелодия смешивалась с треском горящих поленьев в камине у стены. Тень от огня танцевала на широкой кровати, будто живой силуэт неведомого существа. Положив тушку зайца в раковину, стрелок вытер руки об полотенце, выключил музыку и присел на угол кровати. Рядом стоял журнальный столик, на котором находилась наполовину опустевшая бутылка виски с двумя бокалами. Языки пламени отражались в его пустых глазах, словно в двух чёрных зеркалах, в которых не было ни единой искры жизни. Налив немного виски, он выпил пару глотков и занюхал волосяной покров левой руки.

Он находился в доме не один. Постель кровати была застелена сшитыми между собой волчьими шкурами. Поверх лежала обнажённая женщина, боком поджав к себе гладкие колени. Бледное, молодое тело казалось стрелку почти молочным в золотистом отблеске огня. Нежная плоть женщины подсвечивалась дрожащим пламенем камина, отбрасывая причудливые тени на стены.

Встав напротив, он сбросил на пол верхнюю одежду и остался полностью голым. Его тело казалось высеченным из камня — твердым и холодным, словно древняя скала, но в каждом движении таилась скрытая страсть, пробуждающая желание и опасность одновременно. Медленно забрался на кровать. Карабкаясь по шкурам, глубоко вдыхая запах кожи, он обнюхивал и целовал её бёдра, поднимаясь всё выше, — пока наконец не лёг рядом с ней на спину. Убрав руки за голову, он холодно уставился в мрачный потолок, где тени танцевали, будто живые существа.

Молодая женщина зашевелилась, слегка потёрлась бедром о его ногу. Невзрачно улыбувшись, стрелок обхватил её голову и притянул к себе. Обнажённая, не открывая глаз, послушно повернулась к нему, легла лицом на волосатую грудь, плотно прижалась телом и закинула на него ногу. Красно-рыжие волосы красиво завивались гребнями волн: часть пряталась под прижатыми грудями, а другая струилась, словно пласты красного снега, по изгибам спины.

— Ты выключил музыку? — вымолвила она, еле шевеля пышными губами.

— Хочу побыть в тишине, слушать треск костра и вдыхать запах твоих огненных волос, — прошептал он, не выражая никаких эмоций и перебирая пальцами пряди на её плече.

— Ммм... красиво сказал, — мурлыча, улыбнулась рыжая, опуская руку к его паху.

Запрокинув голову, она посмотрела на стрелка кошачьим, хищным взглядом. Прикусывая и облизывая губы, рыжая с усердием гладила его между ног.

— Хочу сесть на тебя и так уснуть!

— Тебе никто не мешает, — закатив глаза, холодно ответил он.

Она больно укусила его в грудь и залезла сверху, тесно прижимаясь интимными местами.

Он продолжал сверлить взглядом бездну потолка; пальцы методично массировали её затылок.

Танец льда и пламени. Его отрешенность пугала, и она попыталась его отвлечь.

— Кстати, я слышала, как сын одного фермера нашёл дневник какой-то пропавшей девчонки. Словно кукловод, ведущий игру пальцами на волосатой груди, она вдруг вспомнила о последних слухах.

— Вроде она была в плену у маньяка и вела дневник. Представь...

Лицо стрелка мгновенно стало жёстким, словно высеченным из гранита. В глазах зажегся опасный огонь, а по венам потекла расплавленная лава ужаса. В сознании взметнулся вихрь — табун диких мустангов ворвался в обитель духа, сокрушая всё на своём пути.

— Расскажи всё, что тебе известно! — резко подскочив, он грубо сжал её горло и взглянул на неё с кровожадным оскалом.

Рыжая бестия обомлела от внезапной вспышки ярости возлюбленного. Впервые в жизни ею овладел настоящий животный страх — леденящий, сковывающий, грозящий опасностью. Стрелок, не ослабляя стальной хватки, требовательно ждал ответа. Глаза по-прежнему полыхали, как две доменные печи.

Воланд тем временем медленно выпускал густой серый дым, наблюдая, как тот клубится в ночном воздухе, словно живая сущность, заполняя синеву небосвода. В голове невольно всплыли строки Блока:

**«Я вышел в ночь – узнать, понять
Далекий шорох, близкий рокот,
Несуществующих принять,
Поверить в мнимый, конский топот.»**

Он сидел в кресле-качалке на террасе, вдыхая прохладный ночной воздух. Полная луна то и дело выглядывала из-за облаков, маня его своим холодным светом. Вокруг царил мёртвая тишина, будто Воланд жил посреди старого кладбища, где любой посторонний звук казался колдовством. Чёрный дневник зловеще покачивался в такт его ноге. На обложке кто-то с силой нацарапал карандашом рисунок: прямые линии снежинки, от которой вниз шла дуга. Видимо, фермер принял этот знак за одуванчик. Докурив сигарету, Воланд закинул ногу на ногу и опрокинул голову назад. Дневник соскользнул и упал на деревянный пол. Гуляющий ветер самовольно зашелестел страницами. Воланд бросил мрачный взгляд. Острый как лезвия бритвы холод полоснул по телу, впиваясь в кожу ледяными иглами мурашек. Дыхание замедлилось

до едва уловимых вздохов, сердце сжалось, а разум словно затуманился. Наклонившись, он неспешно потянулся к дневнику. Мертвенное серебро луны скользнуло по раскрытым страницам, заставляя бумагу фосфоресцировать в темноте. На всей левой странице был нарисован силуэт мрачного человека: безобразно волосатая голова, злые штрихи глаз, раскрытый рот с клыками, кривая линия позвоночника, одна рука на две ладони короче другой. Прикоснувшись кончиками пальцев к рисунку, Воланд понял, что он выполнен углём.

На правом листе следы чей-то крови и текст:

**«Наша Песня.
Скрип и шорох, темнота
Звон железа, холод,
Мы не ведаем конца
Чувствуем желудком голод,
Зверь не спит некогда
Слышит каждый голос,
Он идет мне не спастись
Резать будет волос,
Помогите мне черные птицы
Вы одни помочь могли
Я устала, я одна
Умереть уже должна...
Брошенная Мария.»**

Прочитав песнь, а затем подпись, Воланд закрыл дневник и прислонил его к сухим губам. Сильно зажмурившись, он принялся бить себя по лицу дневником — удары учащались, становились резче. Воланд издавал тихий рык, мышцы лица корчились, искажаясь в муке.

Спустя час он стоял перед высоким зеркалом, нанося помазком мыльную пену на голову. Рядом на печи в медном подсвечнике горела свеча, отбрасывая дрожащие тени на стены, а рядом лежал бумажный футляр для бритвы. Воланд был наполовину голым. В тёмном отражении зеркала виднелись наколки: во всю грудь, до низа живота, — распятие Христа; на левом плече — Александрийский эполет; на предплечье — неразборчивые, смазанные кляксы, будто кто-то пытался стереть память о чём-то.

Лезвие острой бритвы из дамасской стали, на которой была гравировка «Extra Hollow Grant Germany», опустилось в металлическую кружку с тёплой водой. Взгляд Воланда холодно блистал, как остриё бритвы, а в чёрных зрачках отражался пламенный язык свечи, пульсирующий в такт неровному дыханию. Лезвие скользило по голове с лёгкостью пера, оставляя за собой чистый след гладкой кожи. Вдруг он позволил себе непозволительное во время подобной процедуры — задумался, проваливаясь в глубины сознания. Послышался тихий хруст разреза мягких тканей. Красная кровь стекала тонким ручейком с головы: огибая выпуклую бровь, минуя щеку, капала с подбородка прямо на крест распятия. В приоткрытое окно задувал прохладный ветер, неся с собой частицы сырого запаха здешних болот — затхлого, гнилостного, будто сама земля здесь гнила изнутри. Ветви яблони без спроса вползли в проём окна, словно пытаясь завлечь внимание хозяина дома, скрасить его одиночество? У них самих получилось это, или им кто-то помог? Воланд, затаив дыхание, обернулся в сторону качающихся ветвей, опустив вниз бритву. За окном послышался шорох крадущихся шагов — едва уловимый, но отчётливый. Капризные полы могли выдать передвижение Воланда, поэтому он замер на месте, моделируя в мозгу с десятков возможных сценариев. Неожиданно ветер усилился. Листву дерева заколыхало, как множество мелких колокольчиков, звенящих в тревож-

ном ритме. Порыв ветра задул свечу, будто последнюю искру на предсмертном торте, — комната мгновенно утонула во мраке. Смерть преследовала его на каждом шагу, но не соизволила хлопнуть по плечу. Лишь изредка махала, как те худые ветви, шепчущие в темноте: «Я всегда слежу за тобой! Я всегда рядом с тобой...» Загадка ночной тайны резко обрушилась громкими стуками в дверь.

— Господин Воланд! Меня зовут Эбби! Мой супруг приходил к вам сегодня днём! Мне нужно срочно поговорить с вами! Откройте! Прошу! Я не одна, со мной мои дети! — слышалась мольба по ту сторону дверей.

Мгновение он стоял в полном безмолвии, но вскоре, сморщив лицо и глубоко выдохнув крайнее недовольство, Воланд всё же переборол себя, подошёл и открыл дверь. На пороге стояла пожилая женщина — она едва сдерживала слёзы, перепуганная до смерти. Хозяин дома прочёл во взгляде женщины зов о помощи. Но, несмотря на это, разговор с ней мог оказаться слишком коротким... Однако рядом с ней стояли дети — с немymi лицами, в которых читался не столько испуг, сколько затаённая тревога. Внешний вид Воланда — обнажённый торс, наколки, потёки крови, вечно раздражённое и недовольное, хмурое лицо, а ещё, вдобавок, раскрытая нараспашку бритва в руке — всё это пугало детей не меньше, чем маньяк, похищающий детей. Но только не Эбби. Женщина была уверена, что за всеми злобными масками скрывается доброе сердце.

— Зачем вы припёрлись ко мне ночью?! — ворчал он с крайне недовольной гримасой.

— Простите! Я должна вас предупредить! Сказать! Мы видели того человека! Он приходил к нам сегодня накануне ночи, чуть не избил моего мужа и угрожал нам расправой! — запинаясь и сильно нервничая, объясняла перевозбуждённая мать.

— О ком вы говорите?! — Воланд стал раздражаться ещё больше и не торопился их приглашать войти.

— Мерзкая тварь, что похищает детей! То есть... я не уверена, то есть мы с супругом не уверены, что это именно он! Но думаем, всё может быть! — эмоционально жестикулируя, тараторила взволнованная Эбби.

Воланд зловеще усмехнулся, постукивая плоской стороной лезвия себя по ноге.

— В чём же вы точно уверены и почему именно ко мне припёрлись, притащив с собой ещё и своих детей?! Куда смотрит ваш муж?! — возразил, повысив голос, хозяин дома.

Женщину это никак не отпугивало и не отталкивало.

— У него слабое сердце, сейчас он лежит в постели и ждёт нас.

Губы и нижние веки Воланда задергались от нервов.

— Вы не пустите нас, серьёзно?! Со мной же дети! Пожалуйста, это касается и вас тоже! — вытирая накатившиеся слёзы, просила растроганная женщина.

Дети, переглядываясь, уже выражали больше не испуг, а огорчение.

— Ладно, входите, но чаем поить не буду! — отошёл с прохода Воланд, бормоча под нос всякие гадости.

Женщина перекрестилась, возблагодарив небеса, и, поддерживая рукой тощую поясницу, вошла внутрь, пропуская вперёд троих детей. Промокшие малыши выглядели как три выброшенных на улицу котёнка — дрожащие, с прилипшими к головам прядями волос. Оглядев незваных гостей с ног до головы, Воланд, стиснув зубы, сказал:

— Садитесь, я поставлю греться воду для чая.

Он даже не заметил, как на улице уже всю шёл дождь — капли стучали по крыше, будто кто-то нервно отбивал тревожный ритм.

— Спасибо вам! Вы очень хороший человек! — рассказывая в спешке детей за стол, раскланивалась суетливая Эбби.

— Я так не думаю, чёрт! — поставив на дровяную печь железный чайник с нарисованными на нём вишенками, Воланд зажёл потухшую свечу. Пламя дрогнуло, отбрасывая на стены неровные тени.

Взглянув в зеркало, он заметил недобритую часть головы. Эбби одновременно с ним обратила на это внимание.

— Я могу предложить вам свою помощь. Раньше мне приходилось брить своего мужа. — не зная, как отблагодарить хозяина, поспешила предложить свою помощь потерянная женщина.

Воланду это не понравилось. Он резко обернулся:

— Не надо! Я никому не позволяю прикасаться к бритве, которой брею голову.

Поворчав, он разжёл керосиновую лампу и поставил её на стол перед гостями. Свет задрожал, выхватив из полумрака лица детей — бледные, с широко раскрытыми глазами.

— Уверю вас, я буду очень аккуратна, — поднялась со стула, держась за поясницу, сгорбленная Эбби и направилась к нему.

Такой наглый, на взгляд Воланда, поступок сильно разозлил его и даже отчасти напугал. В воздухе повисло напряжение — оно стужалось, словно грозовая туча перед бурей.

— Назад! Назад! Не вздумай подходить ко мне! Я сам! Поняла?! — тыча в её сторону оголённую бритву и выпучив свинцовые глаза, предупредил он.

Минуту они провели в тишине, слушая нарастающий свист вскипающей воды. Ерзая на месте, краснеющая Эбби прикусывала язык, пытаясь сдерживать природную болтливость. Капли дождя стучали по стеклу всё настойчивее.

— Но пока вы бреетесь, я могу хотя бы чайник снять с печи?! — не выдержала она.

Нить напряжения трещала с каждым её словом. Воланд, склонив голову, глубоко выдохнул.

Любая компания, нарушающая его одиночество, давалась ему тяжело. Он прищурился, бросил острый взгляд на женщину, затем — на замёрзших, внимательных детей.

— Больше ничего не трогайте, — холодно попросил Воланд.

Эбби с каким-то фанатичным азартом кинулась к чайнику, прихватив заодно чашки. Её пальцы тряслись, будто после сильного озноба. Ничего не спрашивая, она порылась в шкафчике и, обнаружив с наивной ухмылкой глубокую чашу с пряниками, издала тихий вздох облегчения. Взгляд Эбби метался из стороны в сторону — зрочки бегали, словно пытались вырваться из глазниц. Любой, кто не знал её, решил бы, что она сумасшедшая. Зрелая женщина потеряла единственную дочь...

Окончив бритьё, Воланд сполоснул голову, накинул на неё вафельное полотенце, убрал бритву в футляр, повесил полотенце на место. То ли чтобы не смущать детей наколками, то ли дети смущали его — как бы то ни было, он надел белую, застиранную майку.

— Чёрт тебя дерь, Эбби! Я же сказал: кроме чайника — ничего не трогать! — сорвался на крик Воланд.

Женщина замешкалась, избегая прямого взгляда хозяина дома — раскалённого, как сталь.

Мальчики тем временем делали вид, будто ничего не произошло, и не отрываясь грызли окаменевшие пряники. Старшему из них было девять, среднему — шесть, младшему — пять.

— Вы, наверное, хороший охотник? — облизывая со всех сторон пряник и разглядывая чучело дикого животного, подвешенное на стене, сказал младший мальчик.

Воланд присел к ним за стол, облокотившись на спинку дубового стула. Груз на душе давил, но он сдержался: сначала косо посмотрел на парнишку, затем на чучело. Голова клыкастого кабана с чёрными шариками вместо глаз злобно смотрела на них, будто выбирая следующую жертву.

— Хороший охотник охотится исключительно для пропитания своей семьи, — тихо про-изнёс Воланд.

Мальчик невольно разрядил его нервозность.

— Это ты нашёл тот дневник? — предположил Воланд, подхватывая беседу.

Растерявшись, мальчик просто кивнул.

Эбби, подглядывая за тем, как настроение хозяина дома меняется в лучшую сторону, принялась разливать заварку по чашкам.

— Георгий гулял с детьми за фермой, потом... — начала было отвечать за сына мать.

Воланд не потерпел её чрезмерной болтливости — резко повернулся к ней:

— Позвольте мне поговорить с вашим сыном, Эбби? — угрожающе посмотрел он.

Женщина нервно закивала, расставляя перед детьми чашки с горячим чаем. Пар подни-мался тонкими струйками, но в комнате всё равно ощущался холод — будто сама атмосфера сопротивлялась вторжению незнакомцев.

— Тебя звать Георгий?

Мальчик продолжал молчаливо кивать.

— Ты нашёл дневник в лесу? — Воланд продолжал расспрашивать мальчика.

Мальчуган, со вкусом поедая пряник, снова одобрительно кивнул.

— Расскажи, где он лежал?

— При всём уважении к вам, вы не желаете послушать о том негодяи, который довёл моего мужа до сердечного приступа?! — не сдержавшись, выпалила Эбби.

— Если вы не заткнётесь, то я попрошу вас забрать своих детей и пойти вон! — сжимая кулак до хруста костей, разгневанный Воланд громко ударил им по столу.

От внезапного гнева хозяина дома Эбби подскочила со стула — посуда задрезжала, а женщина, прикрыв ладонями лёгкий вскрик, замерла на мгновение. Следом её охватил некон-тролируемый плач. Она зарыдала так горько, что дети бросили на стол недоеденные пряники и поспешили утешить мать — обняли её, прижались к бокам, гладили по спине.

— Моя приёмная, любимая доченька! — всхлипывая, заговорила Эбби.

— Когда у нас с мужем родился второй сын, нам так хотелось девочку! Мы с супругом решили попробовать ещё... Муж молился Господу, просил подарить дочь. Родился Георгий, и тогда мы приняли решение взять приёмную доченьку. Она была совсем крохой, когда муж принёс её на руках в дом. Я влюбилась в неё с первого взгляда! Она стала главным сокровищем семьи. Любила нам помогать по хозяйству — причём её никто никогда не просил об этом! Аннушка сама хотела!

— Эбби, утирая ручьи слёз с лица, на мгновение замолчала, затем продолжила:

— В тот день я как раз закончила вязать для неё куклу. Кукла так понравилась Аннушке, что доченька целовала её и танцевала с ней. Анна попросила разрешения погулять с собакой и показать кукле наш красивый лес...

Голос женщины дрогнул, и она снова разрыдалась:

— Я виновата во всём! Это я разрешила ей погулять на опушке леса вместе с нашей собакой. Анну так и не нашли, а вот собаку обнаружили мёртвой. Кто-то выпотрошил нашей собачке кишки и отрубил задние лапы...

Ах, моя Анна! Дочка! За что нам, Господи?! За что?! Мы с мужем молились о дочке, а ты забрал её... — Эбби ревела и громко стонала, не выпуская из рук своих мальчиков.

— Чёрт! — поперхнулся Воланд.

Ему стало не по себе. Он схватил портсигар, спички и поспешно скрылся за дверью — вышел на террасу, чтобы перевести дух в одиночестве. Дождь закончился. Синева сбросила с себя тучи, обнажая луну. Жадно втягивая ядовитый дым, Воланд закинул голову назад, часто моргая. Быть может, окаменевшее сердце охотника дало трещину? А может, он просто не хотел вымещать на Эбби свой неуголимый гнев и решил выйти на свежий воздух?

Докурив папиросу, Воланд, выдыхая облако дыма, процитировал Гёте («Фауст»):
- **«Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо.»**

Крики Эбби утихли. Хозяин дома вернулся и занял своё место. Женщина извинилась, чувствуя себя виноватой. Воланд, хмурясь, лишь махнул рукой.

Молчание развеял Георгий — он заговорил детским, ясным голоском:

— Я играл с братьями на опушке, потом заметил, как сверху свалилась птица. Мои братья её не видели, но я видел. Мне стало очень интересно, и я пошёл посмотреть.

Воланд внимательно слушал историю мальчика.

— Это была ворона, чёрная и злая! —

продолжал Георгий.

Зрачки мальчика расширились, словно две чёрные дыры.

— Она беспомощно билась на земле и орала: «Кар! Кар! Кар!» — на этом моменте мальчик поднял обе руки, изображая пальцами птицу.

Воланд поднял брови и громко выдохнул. Он не хотел слушать долгие разглагольствования пацана. Вся эта компания до жути раздражала его.

— Я подошёл поближе — решил, что ей нужна моя помощь, и не испугался.

— Чёрт возьми, Георгий, где ты нашёл этот чёртов блокнот?! — повысил голос до крика Воланд, его тело тряслось от напряжения.

Испугавшись, Георгий спрыгнул со стула и спрятался за мать.

— Он был привязан к той птице!!! Мама, скажи ему! Я отвязал его от той птицы! Мама! — сдерживая слёзы, завопил мальчик.

— Тише-тише, Георгий, всё хорошо! Тебя никто не обидит, — успокаивала ребёнка Эбби, бросив на Воланда укоризненный взгляд.

У неё были коротко подстриженные, выющиеся русые волосы. Невысокий рост, зелёные глаза, плотное телосложение, доброе лицо.

— Да, я такой, — развёл руками Воланд, пытаясь взять себя в руки.

Не принося извинений мальчику, он просто продолжил допрос.

— Скажи, Георгий, больше к птице ничего не было привязано? Может, записка какая-нибудь? Точно ничего не было?

— Угу... — мотал головой всё ещё не пришедший в себя мальчуган.

Воланд вновь терял самообладание — его взгляд, острый, как лезвие, будто разрезал воздух. В мыслях он уже, должно быть, не раз вышвырнул болтливую крольчиху и ее отпрысков за порог.

— Георгий сказал, что кроме дневника больше ничего не было! — ответила за сына мать.

— Хм... — Воланд задумчиво пошевелил кочергой угли в камине, будто ворошил ими мысли в голове.

Он достал из кармана компактный блокнот и ручку, сделал несколько записей:

«Дневник был привязан к вороне».

— А чем его привязали?

— Шнурками от обуви! — сказала Эбби, крепче прижимая к себе сына.

«Привязан шнурком от обуви», — дополнил запись Воланд.

— Шнурок остался у вас?

— Мм... — Эбби задумалась, словно перебирая в памяти обрывки воспоминаний.

— Нужно посмотреть. Я не помню.

— Понятно, что ничего не понятно, — поджав губы, Воланд убрал записную книжку обратно в карман.

— А теперь расскажите мне о случае с незнакомцем.

Эбби заёрзала на стуле, но в глазах её мелькнуло едва заметное оживление — будто она наконец-то могла выговориться.

— Вечером я мыла посуду — мы как раз всей семьёй поужинали. Муж наложил свиным корма и должен был вернуться домой. Вдруг я услышала чьи-то крики. Попросила детей пройти в комнату, а сама поспешила на улицу, прихватив с собой скалку.

— Интересно! — Воланд закинул ногу на ногу, подпёр подбородок рукой, вытянув указательный палец, словно дуло пистолета. Он уже чуть меньше раздражался от их присутствия. Глаза Эбби загорелись.

— Я обнаружила мужа сидящим рядом с домом, на траве. Он задыхался и совсем не мог говорить. Тот незнакомец уже уходил — я толком не разглядела его, при том с моим-то куриным зрением! — Эбби замолчала, отвлекаясь на то, как Воланд раскрыл портсигар, собираясь закурить.

— Продолжайте, я весь внимание! — он взмахнул рукой со спичками, будто дирижёр палочкой.

— Я проводила его до кровати. От доктора он отказался, убеждая меня, что ему уже гораздо лучше.

Воланд рассмеялся — коротко, резко, едва не опрокинув стул.

Женщина растерялась, уставившись на стол.

— Вам смешно слушать, как супруг едва не погиб?! — нахмурилась в недоумении Эбби. Дети растерянно переглянулись.

— Нет, просто вы до сих пор не сказали ровным счётом ничего! Может, это и вовсе пустая трата времени? А?! — Воланд наклонился вперёд, чиркая спичкой, и бросил на Эбби вопросительный взгляд.

Покрасневшая, с трудом сдерживающая эмоции женщина, собрав всё своё терпение, воскликнула:

— Муж сказал, что незнакомец с каким-то одержимым пристрастием расспрашивал его о чёрном дневнике, который лежит сейчас у вас, Воланд! Он желал овладеть им.

На этом моменте господин Воланд подавился дымом собственной сигареты.

— Что ответил ему ваш супруг на это?! — с ледяным хрипом в голосе поинтересовался хозяин дома.

— Соврал! Сказал, что передал его местным властям.

Воланд усмехнулся.

— Плохая идея. Зачем он соврал ему?

Эбби не выдержала:

— Мне откуда знать?! Соврал и соврал! Ясно?! Соврал, прикрывая вас!

Воланду явно не понравился её тон.

— Голос повышать будете у себя дома, Эбби! — пуская ей в лицо дым, холодно произнёс он.

Женщина, глотая дым, закашлялась.

— Вы сделали больно моей маме! — нахмурившись, возмутился Георгий.

— Нет, мальчик, это всего лишь дым. Вам с мамой пора домой, — потушив сигарету о край массивной бронзовой пепельницы, вежливо, но твёрдо проводил их к выходу Воланд.

Оставшись наконец в полном одиночестве, он положил перед собой чёрный дневник и начал читать его с первой страницы. Тишина окутала комнату, лишь треск угасающих углей в камине нарушал её — будто кто-то шептал предостережение?

Дневник Марии.

День Первый.

Я безумно рада начать записывать свои мысли. Времени мало: спички быстро сыреют, со свечами немного полегче. Здесь постоянно очень холодно — воздух пробирает до костей, будто

сам мрак пытается проникнуть под кожу. Солнца не вижу... Я соскучилась по его жёлтым, солнечным бабочкам!

Не знаю, как оказалась тут.

Помню, гуляла в кукурузном поле — было так хорошо! Гигантская бабочка махала крыльями, расплывая тысячи бабочек поменьше; они разлетались по полю, даря яркий свет. Вот бы вернуться туда...

Но, боюсь, это невозможно.

Мой дом — сырая яма. Земля липкая и мокрая, по ней ползают разные мокрицы и жуки. Есть и такие — с двойным хвостом и торчащими усами. Они гораздо быстрее остальных. Я их не видела, но думаю, именно они кусают меня, когда я сплю. Спать я должна днём, но уже позабыла, какой он — тёплый и полный красок...

С наступлением ночи открываются двери в ад.

Приходит хозяин ада. Невозможно привыкнуть к нему — он не похож на обычных людей.

«**Злой Призрак**» — так я называю его, когда остаюсь одна.

У Призрака длинные, чёрные, как моя земляная яма, волосы. Уродливое лицо, глаза белые, зрачков нет — Призрак слепой. Ненавижу его тухлый, гнилой запах, от которого перехватывает дыхание.

Правая рука сухая и длиннее левой, да и сам Призрак кривой и горбатый. Когда открывается дверь, я должна лежать на животе и не двигаться, пока Призрак не скажет мне встать. Он приходит каждую ночь, но каждый раз для меня как первый. Сейчас я хотя бы заставляю себя не шевелиться и тихо плакать. Призрак не терпит непослушных детей.

Если я хорошо себя веду, он просто нюхает меня, немного гладит, а потом тащит за волосы наверх. Гуляю я в полной темноте, строго на цепи. Призрак хочет, чтобы я была его куклой.

Однажды мне удалось вырваться из его грязных рук. Я сильно пожалела об этом.

Злой Призрак держит такую же злую собаку, как он сам. В моей яме есть вбитый столбик, куда он прикрепляет цепь для неё. Призрак пристегивает собаку рядом со мной и оставляет на всю «ночь» — голодную и злую.

Мне приходилось не спать всю «ночь», стоя и прижимаясь к земляной стене, чтобы собака едва не касалась меня своими острыми зубами. Ей удалось поцарапать мне ноги когтями. Мне хватило одной ночи ужаса с зубастым монстром, чтобы стать послушной.

Оставленные царапины начали гноиться. Призрак нюхал их и чувствовал это. Так впервые он отвёл меня в комнату наверху - больше напоминающую сарай. Там я взяла не только бинты и присыпку для ран, но и спички со свечами. В следующий раз удалось раздобыть дневник с карандашом.

Теперь у меня есть надежда, что, когда-нибудь вы узнаете про меня и Призрака.

ХОЧУ ЕГО СМЕРТИ!!!

Но до тех пор, пока я не убью его, я должна быть хорошей девочкой.

День второй.

День второй был пуст. Мария не писала его почему-то.

А вот третий день Воланд не стал читать, закрыв дневник. Облокотившись на спинку стула, он закурил сигарету, втягивая дым с особым пристрастием прикрывая глаза. Стущая краски в голове, Воланд думал: кто поблизости держит ферму с кукурузными полями? Ему хотелось найти родителей девочки и допросить их о дочери. Докурив папиросу и не снимая верхней одежды, Воланд завалился на кровать, быстро засыпая после слишком длинного дня и долгой ночи.

ГЛАВА 2

Танцы на нитках.

Хмурое утро разбудило охотника громким ударом грозы. Обычно он неохотно просыпался от пронзительных криков соседских петухов, с первыми утренними мыслями — «придушить петушков!». Сегодня всё было иначе. Шум дождя дополнял гул разбушевавшегося ветра, который выл, будто раненое чудовище. Проматывая вчерашнюю плёнку в голове, Воланд с чёрным киноляпом внутри перевернулся с живота на спину. Свежий, прохладный воздух, напитанный небесной водой, подул, освежая лицо охотника и пробуждая к жизни его мрачные, задымлённые лёгкие. Раскрытое окно, раскачиваясь, билось об угол выпирающей стены. Сквозь него по-прежнему свисали ветви яблони — с листы стекали частые капли дождя, падая на пол. Прохрипев горлом и сдирая за ночь собравшуюся слизь, Воланд, поднявшись рывком с кровати, сплюнул содержимое рта в окно. Он протянул ладони, наполняя их дождевой водой, стекающей с листы. Следующим действием Воланд убрал яблочные ветви наружу и плотно закрыл окно.

— Да уж, утро доброе! — сказал он себе под нос, невзвратно посмотрев на небольшую лужу на полу возле окна.

Окончательно проснувшись, Воланд взял половую тряпку и железное ведро, собрал воду и заодно помыл полы в комнате. Горячей воды в доме не было. Охотник мылся в самодельном душе под двухсотлитровой бочкой летом, а зимой приходилось греть воду в ведре на печке и выходить с ней на веранду. Он открыл дверь. На улице звенел дождь. Недолго думая, Воланд разделся до нижнего белья, взял кусок мыла и вышел под проливной дождь, намыливая себя прямо под струями. Испытывая охлаждающее блаженство и адреналин, Воланд покрикивал. Свинцовое небо отвечало оглушающим громом. Дождь стелился сплошной стеной. Перед тем как вбежать домой, охотник опустил руки, расслабляя всё тело, склонил голову назад, наслаждаясь естественному душу и демонстрации стихии природы.

На завтрак у него была жареная яичница, корка хлеба с пластом сала и стакан коровьего молока. Дождь закончился как раз в тот момент, когда Воланд надевал на голову чёрную шляпу. На ногах - начищенные до блеска коричневые туфли, серые брюки со стрелками, заправленная в брюки светлая рубашка и подтяжки. Под рубашку он надел кожаный чехол для боевого ножа, а поверх — кобуру с пистолетом. Подвернув рукава на предплечьях, охотник вышел во двор, достал папиросу из портсигара. Вставил в зубы сигарету, взял спички. От трения головка спички мгновенно воспламенилась. Он выдержал паузу, пока выветрится серный дым, и только тогда поднёс горящую спичку к кончику сигареты. Воланд был заядлым курильщиком, однако у него имелось строгое правило: не курить на голодный желудок. Первые затяжки — жадные и ненасытные. Как всегда, закружилась голова, в висках застучало. Докурив папиросу несколькими резкими затяжками, Воланд осторожно двинулся вперёд, ступая прерывистыми прыжками по тонущим после проливного дождя деревянным поддонам, выбираясь за пределы участка. Брошенный в лужу окурок испустил предсмертное шипение.

Возле двора стояла припаркованная чёрная «Победа» (ГАЗ-М20). Дождь успел её хорошенько обмыть — это радовало глаз охотника, но имелась и обратная сторона медали: размытые дороги. В деревне, где находился дом Воланда, пути были присыпаны щебёнкой, а вот на ферме, куда надеялся добраться охотник, с нормальными дорогами — просто беда. Захлопнув дверь, он пробудил спящий двигатель железного монстра. Машина взревела, жадно поглощая горячее. Выжав сцепление, включив скорость и чуть поиграв газом, стальной конь медленно тронулся с места, оставляя позади дом.

После долгого пребывания в тюрьме Воланда мало что могло удивить. Но, подъезжая к краю каменной дороги — месту, где нужно было свернуть, — он с удивлением заметил: дождя дальше не было. На кукурузном поле даже пробивались первые лучи тёплого солнца,

отбрасывая длинные тени. Хороший знак? Чёрная «Победа», качаясь на кочках, оставляла за собой шлейф тёмного дыма, проезжая вдоль кукурузных полей по обе стороны узкой дороги.

По пути хмурый охотник вспоминал записи Марии. Сейчас, глядя на пролетающую мимо кукурузу, он представлял беззаботную девочку, кружащуюся в танце. «*Как оно всё было?*» Вдруг злобная, кровавая ухмылка пробегающего перед глазами чучела вернула Воланда к реальности. Воздух будто сгустился, стало труднее дышать — словно сама атмосфера предупреждала об опасности.

Автомобиль выехал на открытую стоянку. Громкий мотор заглох. Со звонким лязгом захлопнулась дверь. Подкуривая сигарету, Воланд вышел из машины и направился к двухэтажному дому. Ему не хотелось браться за это дело — пришлось переступить через себя. Причина была весомой. Воланд ненавидел людей? Отчасти так. Но и местные жители недолюбливали Воланда, зная его ужасную историю.

«*Тебе просто нужно поговорить. Не нервничай!*» — давал он себе установку, косо посмотрев на болтающиеся колокольчики у открытой двери. Их дребезжание резало слух, усиливая напряжение.

— Ну, сука, и рожа у тебя! И как тут не сорваться... — тихо пробормотал он, увидев хозяина дома.

— Что вам здесь нужно?! Убирайтесь с моей фермы! — размахивая руками, кричал с порога здоровенный мужик. Его голос эхом отразился от стен дома, добавив негативные ноты.

Позади него появилось семейство: жена и двое детей, нервно хлопающие глазами, будто загнанные в угол зверьки.

— И вам доброе утро, — Воланд приподнял шляпу, демонстрируя вежливость, хотя внутри уже мысленно переломал все кости здоровяку.

— Не надо этого театра! Я прекрасно знаю, кто ты такой! Говори, что надо, и проваливай по-доброму! — угрожающе раскачивал свой здоровенный, как утюг, кулак тот.

Жена фермера вцепилась в рукав мужа, шипя ему на ухо:

— Не надо! Не трогай его! Пойдём в дом!

Охотник остановился рядом с ними, тяжело выдохнул и опустил взгляд к земле. На мгновение Воланд уже готов был затеять драку, но сумел обуздать гнев. Бросив фермеру ледяной оскал оголодавшего зверя, он спросил:

— Я хочу найти ту тварь, которая похищает наших детей.

— У тебя нет своих детей, Воланд! Какое тебе дело до них?! — пропищала писклявым, противным голосом женщина, выглядывая из-за мужа.

Воланд промолчал, приложив немалые усилия, чтобы сдержаться.

— Слова заканчиваются? Громче говори, тебя не слышно! — поддакивал подкаблучник.

Напряжение нарастало — казалось, от охотника вот-вот начнут отскакивать раскалённые искры. Воздух наполнился запахом пота и страха.

«*Как же, сука, вас, таких ублюдков, земля терпит...*» — подумал про себя охотник.

— Одна из похищенных девочек вела дневник! Её имя — Мария! — уже направляясь обратно к машине, бросил он через плечо.

Женщина вновь зажужжала, как надоедливая муха, но Воланд не слушал её.

— Девочка жила неподалёку от кукурузного поля. Но это ладно! Счастливо оставаться! — сунув ногу в салон машины, охотник махнул снятой шляпой.

Они что-то оживлённо обсуждали, но Воланд, хлопнув дверь, чиркнул спичкой и прикурил сигарету. Ядовитый дым попал в лёгкие, вызвав приступ грубого кашля. Топливо поступило в мотор — тот взревел.

Чёрный автомобиль начал разворачиваться. Семья фермера, словно истуканы, замерла, провожая его взглядом. Окончив разворот, Воланд включил первую передачу, отпустил сцеп-

ление и выжал газ. Машина громко тронулась, как вдруг по крыше раздалось несколько резких хлопков. Водитель был вынужден резко остановиться, вдавив педаль тормоза до упора.

— Постой! — раздался голос фермера.

Без каких-либо эмоций Воланд опустил окно.

— Тебе нужна ферма Акриловых! Там два поля: одно кукурузное, другое — с подсолнухами. Я слышал, у него давно пропала дочка, Мария. Старик чокнулся умом — будь полегче с ним, если решишь поговорить! — наклонившись к салону, всё же рассказал, что знал, главный опоссум. На прощание он пару раз хлопнул по крыше машины.

Воланд, в свою очередь выжимая газ, громко бросил ему в ответ:

— Признаюсь, мои соседские свиньи так же мерзко пищат, как твоя тощая жена!

— Что ты сказал?! А ну стой, Воланд! Я отобью тебе голову! Дерись со мной! — захлёбываясь собственной слюной от гнева, орал разгорячённый здоровяк, спотыкаясь, пиная землю и размахивая кулаками.

— Да-да-да, — не обращая внимания на прыгающего позади опоссума, напевал и посвистывал Воланд.

Путь к Акриловым был неблизким, но и не чересчур далёким. За час железный конь максимально приблизился к месту назначения. Охотник мчался по бескрайним полям кукурузы, подсолнухов и пшеницы.

Автомобиль остановился возле фермы. Погода стояла пасмурная, но дождя не было. Выйдя из машины, Воланд почувствовал неладное. Подул прохладный, пронизывающий ветер. Вокруг царил неестественная тишина — ни пения птиц, ни шороха травы. Первое, на что он обратил внимание, — опустевшая собачья будка, где бесхозно лежала змейкой железная цепь. Второе — постукивающая на сквозняке открытая дверь дома. Все напоминало давно брошенное, безлюдное место. Воздух будто застыл, пропитанный предчувствием беды.

— Есть кто живой?! Хозяйева! Вы здесь?! Эй! Кто-нибудь! — крикнул Воланд и медленно, осторожно приблизился к дому.

Свинцовое небо, здешняя тишина и мёртвое одиночество пробежали по спине охотника холодными мурашками. Он, внимательно всматриваясь и прислушиваясь, поднялся по ступеням деревянного крыльца. Тишина. Дверь бездушно продолжала биться о косяк от сквозняка. Никакого ответа так и не последовало.

Охотник решил войти внутрь. С режущим слух скрипом дверь распахнулась до конца. Левая нога потянулась за дверной порог — медленно, подобно крадущейся змее. Вслед за ней последовала и правая. Воланд неспешно крался по длинному тёмному коридору. В доме веял жуткий запах смерти — гнилостный, тяжёлый, от которого перехватывало дыхание. Воланд зажал нос. Все окна в доме были полностью занавешены толстой тканью, не давая дневному свету проникнуть внутрь. Впереди виднелся открытый проход по левой стороне и прикрытые двери в комнаты — по правой. Из прохода моргал жёлтый свет. Дыхание в груди охотника сбилось. Мотая головой в разные стороны, Воланд наблюдал кровавые мазки. Это была чья-то кровь. Стены, полы и даже потолок были в ней испачканы. Всё это напоминало какое-то ритуальное, зверское убийство. Несмотря ни на абсурдность, охотник громко повторил:

— Прошу прощения?! Здесь есть кто-нибудь?!

Вдруг резко раздался громкий грохот кастрюль и посуды — как раз в тот момент, когда он крался в полуметре от прохода, за которым оказалась большая кухня. Воланд с такой же резкостью и неожиданностью выхватил из кобуры заряженный пистолет «ТТ», выбросив руку в сторону грохота, едва не нажав на курок.

Из кухни выскочила, как ошпаренная, рыжая кошка, до чёртиков перепугав охотника. Тут он не смог сдержать рефлекс.

— Туф! Сука чёртова!!! Туф! Туф! — сползая по стене спиной и крича во всю глотку, он палил из своей пушки по удирающей кошке.

Та, противно завопив во всю кошачью глотку и выпустив острые когти, рванула по коридору в сторону выхода.

— Фу-у-ух! Моя лысая голова скоро окрасится в седой цвет! — глубоко выдохнув, избавляясь от нахлынувших несколько секунд назад чувств, он начал медленно подниматься с пола, опираясь руками о стенку.

Не убирая пистолета, он ворвался на кухню. Синхронно с морганием света Воланд видел кровавые картины короткими вспышками: размазанный кровью стол, разбросанную утварь, битую посуду на полу, багровые мазки на раскрытых дверцах шкафчиков, наполовину воткнутый в холодильник окровавленный кухонный нож и такой же, отдыхающий недалеко на столешнице, отбивной молоток с застывшим куском волосатой кожи. Опытный охотник за подобным человеческим зверьём подсознательно представил происходящую тут бойню. Переборыв отвращение, он аккуратно подошёл к холодильнику, обходя крупный мусор.

— Дьявол! — с силой захлопнув дверь холодильника обратно, морщась и отводя взгляд, громко прокомментировал он. Внутри всё было испачкано кровью, а на решётчатой полке стояла грязно отрезанная женская голова. Омертвевшие, стеклянные глаза словно до сих пор кричали от пережитого ужаса и испытанной боли. Убрав пистолет и включив подручный фонарик, охотник продолжил обследовать дом. Следы крови вели его на второй этаж. Лампочки были разбиты. Луч света, исходивший из фонаря, прорезал здешнюю темноту, выхватывая фрагменты ужаса. Трупная вонь резко усилилась. Воланд, прикрывая лицо рукой, приближался к белой двери, на поверхности которой остались кровавые отпечатки человеческих ладоней. Никаких сомнений не было: смрад доносился прямо из этой комнаты. Он пихнул дверь левой ногой, настраивая себя на предстоящую отвратительную картину. Первым, кто взглянул на внутренний интерьер и внешние детали, стал луч фонарика. Вторым был охотник. Замешкавшись в карманах, он выронил карандаш, еле удержав записную книжку. Оранжевый карандаш с лёгким шорохом ударился об пол и покатился вперёд.

— Чёрт! — выругался он, слегка нервничая и торопясь.

Очерченный ровным кругом бледный луч света молниеносно прыгнул вслед за карандашом, покотившимся по полу. Тот целенаправленно закатился под кровать. Атмосфера стремительно накалялась, воздух будто сгустился, став тяжёлым и душным. Прямо над кроватью висели около тринадцати самодельных чучел, сделанных из соломы, кукурузных початков, сшитых между собой лоскутов ткани разных цветов и прочего подручного материала. Каждое чучело с мрачным видом было подвешено за шею. К левой ноге всех чучел подвязаны за хвосты наполовину сгнившие тушки крыс, ворон и чёрных кошек — от них исходил гнилостный запах, смешиваясь с затхлостью помещения. Широкие окна спальни занавешены плотной зелёной тканью — ни единый луч дневного света не проникал внутрь. Небольшая тумбочка с каждой стороны двуспальной кровати, массивный шкаф с полками, уставленными книгами, фарфором и хрусталем, два деревянных стула со спинками возле накрытого светлой скатертью столика, мягкий антикварный табурет и покрытый толстым слоем пыли рояль. На столе — красивый тройной подсвечник, весь в паутине, опустевший графин, несколько стаканов и прикрытые салфетками тарелки со столовыми приборами. Просветив поспешно всю спальню, охотник, скрепя сердцем, медленно продвигался вперёд, не отрывая гипнотического взгляда от висящих чучел — казалось, они следят за ним, подглядывают, выжидают. Мелкие капельки пота проступили на его лысой голове и лбу, струйки холода пробежали вдоль позвоночника. Встав на оба колена, Воланд нагнулся в поисках карандаша. Пришлось хорошенько потянуться за ним — тот ожидал хозяина ровно посередине. Охотник, наполовину забравшись под кровать, прижался лицом к пыльному полу, вытянул руку и вслепую попытался нащупать карандаш.

— Ну, где ты там?! — шурясь и оскалившись, бормотал под нос раздражённый охотник.

Вдруг горячий темперамент Воланда в одно мгновение напрочь охладел. Сморщенное от напряжения лицо в один миг разгладилось и побелело. Ком встал в горле, а глаза, вместе

со зрачками, широко раскрылись, замирая в предчувствии чего-то зловещего. Сердце разгорячённого охотника словно пронзила ледяная пика — кровь застыла в жилах. Но что случилось? Может, он что-то услышал или увидел? Долго не раздумывая, он повернул голову вперёд. Ничего не было. Вдохнув и выдохнув с облегчением, Воланд взял карандаш и стал выползать из-под кровати.

— Дьявол! — вырвалось у него, когда, поднимаясь, он ударился затылком.

Не брезгуя ничем, охотник приступил к тщательному осмотру каждого висячего чучела, делая короткие записи в блокнот. Больше всего его внимание привлекла единственная крупная кукла, сжатая другими чучелами, — она висела в самом сердце мрака. У куклы были длинные чёрные волосы, из-за которых не было видно её лица. Проталкиваясь среди чучел, Воланд залез с ногами на кровать, желая взглянуть ей в лицо. Трупный запах заставлял охотника плотно прикрывать нос и рот платком. Другой рукой он продолжал светить фонариком. Настал момент «Х». Переложив фонарик в руку с платком, он медленно потянулся свободной рукой, чтобы расправить густые смольные волосы. К его удивлению, вместо обычного кукольного лица он увидел стёртую под корень поверхность, на которой углём было написано:

**«Кому предначертано послание?
Кому в лицо плюют?!
Охотник ищет оправдание,
Найдет он Хаоса приют.»**

Перечитывая загадку беглым, сбитым с толку взглядом и задержав дыхание, Воланд начал копать по карманам, желая сделать очередную запись. Беглая линия поспешно выводила из букв слоги, из слогов — слова, из слов — предложения. В конце он поставил жирную точку. Внезапно громкий топот чьих-то ног зазвучал в коридоре и ворвался прямо в комнату.

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.